

Сергей Струков

ПРИТЧИ
РАДОНЕЖСКОГО
ЛЕСА

Сергей Викторович Струков
Притчи Радонежского леса.
Рассказы и повести для детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23685112

ISBN 9785448377709

Аннотация

Притчи Радонежского леса – простые рассказы для самых маленьких. Повесть Антон-Львиное Сердце – для юношества. В книге впервые публикуется рождественская пьеса «Машенька и колдун».

Содержание

ПРИТЧИ РАДОНЕЖСКОГО ЛЕСА	5
СОЛОВЕЙ И ЛЯГУШКА	5
МЕДВЕЖОНОК И ЛИСЁНОК	8
КАЖДОМУ ЗВЕРЮ СВОЁ ЛЕКАРСТВО ПОТРЕБНО...	13
ТАЙНА РУМЯНОГО ЯБЛОКА	18
МЕДВЕДЬ И ЦВЕТЫ	22
ТРИ ЕЛОВЫЕ ШИШКИ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Притчи Радонежского леса
Рассказы и повести
для детей

Сергей Викторович
Струков

© Сергей Викторович Струков, 2017

ISBN 978-5-4483-7770-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИТЧИ РАДОНЕЖСКОГО ЛЕСА

СОЛОВЕЙ И ЛЯГУШКА

(притча)

Очень давно, когда звёзды были большими, как яблоки, луна огромной, как арбуз, а птицы и звери, хотя и жили вместе с Адамом уже не в раю, но пока ещё не успели разлюбить друг друга, – уже тогда поселились в их среде зависть и хвастовство.

И вот однажды рано утром, как это обычно водилось у птиц, соловей начал воспевать восход солнца и стал заливаться такими трелями, такими сладостными и благозвучными переливами, что все звери и птицы плакали, вспоминая рай.

Одна только лягушка, имевшая в ту пору золочёную расписную кожицу, не плакала. Она сидела на берегу водоёма и рассуждала, устремив взгляд свой на соловья: «Всем-то я хороша: есть у меня красивая бархатная кожица, золочённая, просто залюбуешься; и плаваю я умело, сноровисто, быстро. Вот только одного недостаёт мне – голоса та-

кого, как у соловушки...»

А звери и птицы слушали песню-гимн утренней заре, и слезы их текли ручейками. Сам человек сидел, обхватив голову руками, и тоже плакал.

Ох, и сладко пел соловей!

Лягушка продолжала рассуждать: «Угораздило же его родиться с таким голосищем! А я только квакать-то и умею.

Вон как выводит... Ух! Все так и слушают, а на меня никто и краем глаза-то не взглянет! Ух, окаянный, как залива-ется!» И позавидовала она соловью.

Уж скоро солнышко выглянет, вот его алая кромка заблестала вдали над зелёными лесами.

Звонок воз дух, брызжет ярким соком восход. «Свет неизреченный...» – шепчут губы Адама, и по щекам его скатываются горячие капельки. Звери и птицы зовут солнце – единственное светило, которое осталось у них теперь... Соловей поднимает ноту всё выше, выше...

И вдруг... Обрывается песнь соловья: взгляд его случайно упал на лягушку – и он испугался её вида и охрип. Сейчас он поёт совсем не так, как пел раньше. Звери тоже все, когда увидели лягушку, отшатнулись в

страхе: совсем не узнать было прежнюю красавицу: так позавидовала она, что вся позеленела – даже до черноты. Куда подевалась прежняя золотистая, бархатная кожица? И в помине нет. Вместо неё скользкая, грубая кожурка. Тут

и солнышко взошло, увидело, что его никто не встречает соловьиной песней, загрустило, затянулось, как одеялами, серыми тучами; и пошёл дождик.

Звери разбежались, птицы улетели, а человек срубил то дерево, на котором пел соловей, и сделал себе из него шалаш от всякой непогоды...

Лягушка же теперь всякий раз, когда начинает накрапывать дождь, вылезает из водоёма и сидит одна-одинёшенька под падающими сверху каплями, вспоминая, как когда-то она была раскрасавицей и как сладко когда-то пел на заре соловей...

МЕДВЕЖОНОК И ЛИСЁНОК

(или лесная притча про то, как медвежонок спас лисёнка, а лисёнок спас медвежонка)

В лесу было душно и очень-очень жарко. Июльское солнце висело над соснами и палило с такой силой, что само наверно мучилось от жары. Листочки повсюду съжились, а травы поникли, сберегая драгоценную влагу. Звери попрятались во влажные норы, птицы смолкли, а червячки и букашечки поглубже влезли кто в норку, кто в гумус.

Лес замер и тихо переносил жару.

Только в медвежьей берлоге недовольно ворочался среди своих братишек Мишутка-неслух: «Хорошо им, червячкам – нырь и нету. А я ведь не козявка, я в щёлочку не залезу... Вот побегу на речку, искупаюсь!» «Нельзя, Мишутка, – говорят ему братишки-медвежата, – мама что наказывала, когда уходила: «Никому чтобы и лапы из берлоги не высовывать! А ты «на речку...»

– Ох, родные, невтерпёж, а в шубках наших тем па че... Побегу на прохладную речку! Ну, ведь не букашка я, никто меня не раздавит!

Сколько братишки Мишутку ни совестили, ничего не помогло. «Пойду!» и всё тут!

Выбежал он из елово-хвойной берлоги и айда купаться!

Бежал через шиповник – шубку поободрал, бежал через луг – в осоке лапы заплетал, бежал через болотце – на кочках спотыкался. Примчался к самым крутым берегам речушки, запнулся да так и кубарем вниз! И в воду бултых!

То-то радость!

Лапами прохладную воду Мишутка-неслух раздвигает, кувыркается, плещется да над братишками родными, что в берлоге духотной мучаются, посмеивается...

Купался он, купался, но, однако же, и домой пора...

Скоро мама придёт и если Мишутку не застанет, ох уж ему влетит! За уши оттакают, отшлёпают, а может, что самое худое, без мёда оставят... «Вот ещё три раза окунуть, – думает Мишутка, – и домой».

Нырнул он... Вдруг! Что это? Словно кричит кто? Вынырнул – никого... Только зной, да солнце смеющимися лучами в речке играет. Нырнул во второй раз... Чу! Кто-то в воде бултыхается и зовёт на помощь. Вынырнул медвежонок – никого! Неужели от перемены ему так померещилось? Нырнул в третий раз – точно! «Спасите!» – кричат и воду, что есть мочи лапами лупят.

Тут увидел, наконец, Мишутка, кто тонет!

Лисёнок, маленький и несмышлёный, свалился в воду с кручи и зовёт на помощь, то утопая, то отчаянно всплывая; бурлит воду маленькими лапками и кричит: «Помогите! Спа-си-те!» Вот вдруг скроется под водой, и вот вдруг поднимется. Мишутка сам перепугался, сердце внутри под

шубкой шибко заколотилось; бросился он на помощь лисёнку и вытащил того на берег... Только при этом лисёнок ко-солапого нечаянно, да со страху два раза по уху ударил.

Но так, как лисёнок был слабосильный, то Мишутка от заушин тех разве что немножко поморщился... Хотя и не больно, а однако какому же герою приятно от благодарных спасаемых затрещины получать?!

И вот вытащил он на песочек еле живого лисёнка:

– И как тебя угораздило, хитрый лис, в речку свалиться, – принялся отчитывать медвежонок лисёнка, – знать, хитрость твоя ногу вывихнула!

– Я маленький, – запричитал лисёнок, мокрый и жалкий, совсем не похожий на зубастого и хитрого лиса, каковыми они обычно и бывают.

– Маленький-то – маленький, – не мог отдышаться Мишутка из-за волнения, – а тонешь, как большой!

– Было жарко, – жалостно лепетал мокрый лисёнок, – мама ушла и приказала никому из норки не вылезать и на речку не бегать.

А я вылез... Уж очень солнышко пекло...

– Пекло! – топнул на него Мишутка. – Ты, оказывается, ещё и неслух! Вот нашлапать бы тебе за то, что родителей не слушаешься!

Разошёлся тут медвежонок Мишутка, принялся не на шутку лисёнка отчитывать и ругать:

– Ты что же это, лисья твоя голова, не знаешь, что папу

и маму надо слушаться, что воспитанные зверята родителям не прекословят и что все беды от непослушания происходят!?! Потому и беда эта на тебя приключилась!

Кормить тебе сейчас рыб, если бы не я. Лисёнок совсем понурился и принял такой жалкий вид, по которому можно было понять, что он чуть ли уже не начинает жалеть о своём спасении. А Мишутка разъерепенился и даже начал рычать на несчастного лисёнка: да вдруг!

– Как же тебе было не стыдно, неслух ты лисий, раз мама вам строго-настрого приказала из норы не вылезать и носа на речку не высовывать, как же ты, малявка беспомощная, посмел убежать купаться! Ну и что, что жарко в лесу! Непослуш... – и тут оборвалось рычание медвежонка, и ему самому стало стыдно от того, что вспомнил он, как был и сам виноват ровно в том, в чём сейчас упрекал бедного лисёнка...

Мишутка сник и принялся пятиться к лесу, а потом и вовсе обратился и, что есть духу бросился бежать, чем совершенно ввёл в недоумение едва отдышавшегося несмышлёныша... Лихо сверкали между стволов лиственниц мишуткины пятки: «Никогда, никогда больше не ослушаюсь маму! Спас, спас меня лисёнок! Буду, буду послушным медвежонком! Эх, успеть бы!»

Прибежал медвежонок, нырнул к братцам в берлогу... Тут и мама-медведица пришла, мёд душистый, полевой принесла.

Ел Мишутка мёд, черпал лапой, жевал за обеими щёками и не тому больше радовался, что мама его отсутствия не заметила, а тому, что спас его беспомощный, жалкий лисёнок от непослушания и тем самым уберёг от «омута-водоворота» куда более страшного, чем речной...

(конец)

КАЖДОМУ ЗВЕРЮ СВОЁ ЛЕКАРСТВО ПОТРЕБНО...

(лесная притча)

Однажды налетела на лес буря, и на озере в песочных берегах поднялся самый настоящий шторм. Разъярёнными волнами выбросило на берег карасика, и остался он лежать ни жив, ни мёртв.

Вот затихла буря, успокоился лес, звери начали потихоньку выбираться на свет Божий...

Первым набрёл на карасика ёжик, увидел и ахнул...

– Ты чего тут разлёгся, бедняга?

А карасик не отвечает, только ртом воздух ловит. Ёжик ему конечно:

– Ничего, не бойся, я тебя живо на ноги поставлю!

И побежал, что было духу к себе в валежник, в любимую норку с запасами. Там опорожнил бочоночек ореховый – налил в малую стекляницу кисло-прекислого сока из диких яблочек-дичков нажатого, того самого сока, которым кожицу свою под иголками от всяких недугов вылечивал. Припустил назад к озеру... Не успел карасик три раза хвостом по песку шлёпнуть, ёжик тут как тут с лекарством. Едва отдышавшись, давай несчастную рыбёшку кислым соком выхаживать...

Ёжик и поит больного, и всего от головы до хвоста обливает-смачивает. Попусту! Как лежал карасик, так и лежит!

Разве хвостом иной раз по песку в бессильной немощи и досаде хлестнёт...

Случилось тут пчеле мимо лететь...

Увидала она сверху ежа с карасиком и опустилась. Ёжик ей всю беду высказал, да и пчёлка, поди, не слепая... Жалостью к рыбёшке пчелиное сердце её исполнилось, зажужжала, родимая, и мигом в кустах шиповника исчезла.

Немного времени прошло... Не успел ёжик опять ложку дичкового сока карасику поднести, как возвращается пчёлка с переполненной кадочкой мёда...

– Не тем ты, ёжик, лекарством карасика лечишь. Дай, я!

И вот бедного страдальца всего мёдом измазали и внутрь мёду прописали, а ему хоть бы что! Не желает подниматься! Всё ртом воздух хватает, да жабры раздувает, да глаза стеклянные пучит. Выбились из сил ёжик и пчёлка.

А тут в аккурат тёлочка из рощицы вышла водицы в пруду испить... Увидала она бедолагу карасика всего мёдом и яблочным соком измазанного, и ежа с пчёлочкой во круг суетящихся, подошла и спрашивает: «Чем это вы, звери добрые, занимаетесь?» Отвечают ей ослабевшие от трудов врачевательных ёжик и пчёлка: «Вот, рыбёшку несчастную на ноги поднимаем... Изнемогаем от усталости, лучшими лекарствами лечим, а здоровья у карасика не прибавляется ничуть...» Напустилась на них тут тёлочка: «Да разве таки-

ми пустяковыми снадобьями от хвори-болезни избавишь?!»

И она с этими словами, звеня серебряным колокольчиком, скрылась, сердечная, в рощице, из которой перед тем вышла.

Едва управились пчёлка с ёжиком надлежащим по их разумению образом ещё раз карасика соком и мёдом облить, появляется наша неторопливая тёлочка с лыковым ведёрком, как есть полным доверху сметаной...

И ну рыбёшку сметаной ухаживать!

Горька ты, жизнь бессловесная!

Напрасно карасик рот раскрывает, хвостом по песку бьёт, сметану с мёдом разбрызгивает, не внимают ему и не понимают его добрые звери!

Лежит наш карасик на бережку, с головы до хвоста сметаной и мёдом обляпанный, а вокруг тёлочка, ёжик и пчёлка хлопочут. Каждый на свой лад любимым лекарством лечит. Но бессильны бальзамы чуждые...

Вот уже совсем изнемогла несчастная рыбка: едва плавниками липкими трепещет, рта не раскрывает, не вздрагивает и хвостом по песку сырому больше не ударяет...

Кто знает, чем бы всё дело это закончилось и какой конец карасику от неразумного милосердия звериного вышел, если бы не проходил тою стороною медведь.

Удивился Михайло Потапыч, отчего это зверушки мёд да сметану на песок льют. Подошёл и спрашивает: «Чем это вы, добрые звери, на берегу лесного озера занимаетесь и какой такой совет держите?»

– Беда совсем, Михайло Потапыч, – отвечает ему ёжик, иголками от недоумения пожимая, – не по силам нам рыбку оживить, каких только снадобий не испробовали, всё без толку! Лежит беспомощно на песочке, того и гляди издохнет. Уж мы лучшими в лесу лекарствами потрудились, уж мы бедного карасика вниманием да старанием окружили...

– Мёдом душистым, полевым, цветочным лечили! – прожужжала пчёлка.

– Жирной – прежирной смя-та-ной, – промычала тёлочка.

– Самым кислым-прекислым яблочным соком – и ничего не помогает, – завершил наш колючий санитар.

Присмотрелся тут к странному на бережочке холмику лесной владыка: а из-под горки медово-сметанной едва только нос и плавники чьи-то выглядывают. Покачал мудрой головою медведь и говорит: «Ай-яй-яй! Звери добрые! Много потрудились вы для спасения бедной рыбёшки, но труды ваши напрасны были...» При таком деле осторожно почерпнул лесной царь живой холмик огромными, могучими, мохнатыми лапами, вынул из него измученного карасика и прогремел:

– Добры и любовны сердца ваши, звери: и твоё сердечко, ёжик, и твоё, пчёлка, и твоё, тёлочка! Но от милосердия вашего худо вышло, так как в рыбёшке этой одних себя вы видели, по себе судили, и пригодным для себя снадобьем иную душу лечили...

Тут опустил медведь бедняжку в воду и смыл с его чешуи

и дичковый сок, и мёд, и сметану.

– Ведать-то надобно было то, что всякая жизнь подобною ею жизнью врачуется! Каждому зверю своё лекарство потребно!

По этих словах страдалец ожил, встрепенулся в медвежьих лапах, всплеснул хвостом и ринулся в любимую стихию...

На радость смотревших с песчаной косы доброжелателей спасённый карасик, прощаясь, взметнулся над водной гладью, блеснув на полуденном солнце золотистой чешуёй, и, подняв фонтан жемчужных брызг, резвясь, устремился на глубину...

– А для кого, звери, – сказал медведь, – и родина – лучшее лекарство...

(конец)

ТАЙНА РУМЯНОГО ЯБЛОКА

(лесная притча)

На дереве растёт яблоко. Яблоко спелое, румяное. Под деревом бродит ёж и ждёт, когда упадёт яблоко; он щетинится, чтобы в яблоко вонзились иголки.

Подбежал заяц и спросил у ежа, что он делает тут один?

Ёж молчит, чтобы не открылась тайна и яблоко не пришлось делить. Заяц напустился на ежа – тот в клубочек, сопит, фыркает – страсть одна, но про яблоко – молчок!

Заяц сел наблюдать за ежом.

Подует ветер – ёж засеменит под деревцем. Заяц глаза вытаращит.

Бежал суслик, остановился. С вопросом к зайцу, зачем он под яблоней глаза пучит? Тот молчит, потому как если скажет, что ждёт от ежа разрешения какой-то тайны, то и суслик прибавится в компанию, и секрет от такой дружбы сильно из мельчает. Какая это тайна, и чего ёж тут под деревом семенит заяц и сам не знает, но чувствуя сокрытую пользу самим этим незнанием о незнании, и тем делиться не хочет.

Суслик прибавил на зайца – у того душа в пятки! Косой уши прижал, трепещет, но ежа не выдаёт. Суслик ответа от косоного, конечно, не добился, однако смекнул, что не за-

просто заяц помалкивает, и что ожидает какой-то выгоды. Сел и суслик решения тайны искать.

Подует ветер – ёжик зачастит под ветками – заяц от нетерпения передними лапами забарабанит – суслик мордочку вытянет. Так и поджидают друг друга.

Торопилась той дорожкой лиса, набрела на суслика: «Ты чего тут?». Суслик помалкивает, боится: если что, придётся выгодой делиться. Лиса наступает – суслик молчит, заячью тайну прячет. Лисица пуще, а суслик ни в какую, жмурится со страху, но тайны пользительной не выдаёт, только глазом одним в заячью сторону приглядывает...

Поняла тут лисица, что неспроста суслик притаился, а что какую-то выгоду получить думает, потому и молчит. Хотя и боится, а все-таки язык прикусил – знать большая выгода! Притихла и лиса, и глаз своих хитреньких с суслика не спускает.

Ветер подует – ёжик забеспокоится под яблонькой – заяц лапами забарабанит – суслик глаза вытаращит, силится заячий интерес высмотреть – лиса хвостом завиляет...

Так сидят, друг за дружкой следят. Лиса о зайце с ежом «ни слухом, ни духом», суслик о еже и яблоке не догадывается, а косой о тайне ежовой и не подозревает.

Не известно, сколько так просидели бы наши старатели, если бы той тропиночкой не пробирался медведь.

Шёл Мишенька из лесу, плечами сучки обламывал. Услыхала его лиса – мордочку в траву спрятала. Да не тут-то бы-

ло! «Эй, кума, – зарычал медведушка, – по чём прячешься? Или хитрость, какую примыслила, или беду затеваешь? Держи ответ, лукавая!» Не держит ответа лиса...

Вся в страх превратилась, а, однако ж, не пикнет... Медведь ногою мохнатою – топ! Лиса от страха уже до ужаса до боялась, но о пользе таинственной, о которой и сама-то толком не ведаёт, ни-ни!

Что тут делать? Медведь неглупый был, рассудил, что лукавой кумушке саму себя ни за что не перехитрить, отступил с расспросами, да и присел на пенёк за интересом лисьим присматривать...

Крепчает ветер – ёжик иголками топорщится, под деревцем суетится – заяц уши прижимает, лапками по траве хлопает – суслик мордочку в заячий секрет вытягивает – лиса вся дрожит от нетерпения – медведь лисьему характеру удивляется...

Стерегут друг дружку зверушки, но никто о тайне румяного яблока не догадывается. Толк уразумели, что сильнее их страха та тайна и что от этого знать великая за ней польза имеется, вот и наострили уши и ни в коем разе ни единым словечком о достатке таинственном не поделятся...

Заскучал, однако, медведушка сидючи. Надоело медведушке косточки беречь без дела. Увидал он тут на яблоньке плод румянький и как есть, весь его с ветки сорвал. Откусил и опять на лису обратился... Только рыжей и след простыл... Без остатка плутовка сгнула!

Как пропало яблочко с веточки, ёж чихнул и листвою опалой зашуршал себе прочь; заяц топнул лапами с досады да и прыгнул в кусты; суслик увидал пустое место вместо зайца и смекнул, что страх ему теперь терпеть не выгодно, дал стрекоча, только его и помнили.

При таком безстудии хотела лиса суслика догнать, да весь медвежий ужас на того выпустить, но, видать, суслик не меньше лисы боялся, чем та медведя, а потому осталась лиса со своей лукавой обидой, как есть не отомщённой...

Подивился ещё раз медведушка ловкости лисьей, докусал яблочко не спеша и так того и не заметил, что всю тайну звериного страха, что всю тайну звериной храбрости, всю как есть без остаточка потребил...

(конец)

МЕДВЕДЬ И ЦВЕТЫ

(лесная притча)

Жили-были в лесу звери. Видимо их было не видимо...

Сосны и ели в лесу стояли высокие и хвойные. Зимы были в лесу морозные, крепкие. Такие крепкие, что от мороза деревья трещали и месяц зяб... В лютые холода птицы летать не могли, только с веток на небо глядели.

Вёсны радость, тепло приносили: таяли снега, ручейки журчали, солнышко припекало, почки набухали, травы и цветы пышным цветом расцветали. Летом диво-дивное: буря красок, цветов, зелени всяческой! Мошки, букашки, мышки-полёвки, зайцы, тетерева, лисы, волки, кабаны, белки, птички-сестрички, рыси, олени, лоси все-все из тёплых домиков на простор вылезали и солнцу, и свежести лесной радовались. Всё кругом в природе веселилось, резвилось и преумножалось. Обильно, обильно было в рощах и трав, и зверей.

К осени запасов живность на делает, листвою опавшею укроется и притаится до весны... Тишиною облечётся лес перед зимой, замрёт в ожидании...

Дивно, чудно жилось всему доброму, всему живому!

Все зверушки в лесу, даже волки, жили дружной, крепкой семьёй: никто никого не ел, не обижал, все друг другу помо-

гали и корм к зиме заготовить, и морозы лютые перенести...

Звери были чуткие и друг с другом обходительные, зря не обидятся и ни одного слова несправедливого не скажут.

Вот только один медведь во всём дружном семействе был словно чужой, грубый, не разговорчивый и крикливый. Чуть, что ему не по душе, как рявкнет – звери в рассыпную...

И надо же было такому случиться – кто-то в незапамятные времена взял да и выбрал медведя-топтыгу в самые, что ни на есть главные начальники над всем лесным жительство!

Вот те раз!

Ходит Топтыгин по рощам весь день – бурчит себе под нос, словно бы недоволен он поведением зверушек.

Слышит визг и гомон – раздвинет кусты лапами, а на полянке волчата куролесят, резвятся, балуются. Медведь брови похмурит, ничего не скажет – дальше путь держит...

Вон синички верезжат: из-за ягоды морошки соперничают, друг у дружки отнимают, аж перья летят! Топтыгин прикрикнет – птички притихнут. Ох! и злой медведь!

С таким не пошутишь! Вот на пруду лисята бултыхаются, в догонялки играют – брызги столбом, визг, смех! Что ж вы думаете? Михайло Топтыгин, хоть и не скажет ничего, да всё ж таки мимо пройдёт в косолапочку, брови похмурит, побурчит: вроде, как не порядок...

Ни единая зверушка, ни единого раза в лесу ни полслова ласкового от бурого медведя никогда не слыхивала.

Что ты будешь делать! Все кругом пляшут, поют, веселят-

ся, шутят – жизни, одним словом, радуются, а наш бургомистр идёт сердитый, важный и глазом не моргнёт, – словно бы из камня вытесанный.

Вот однажды пригостилась в лесу весна-красна. Дивно цвет живой в рост пошёл! Все поляны молодыми яркими цветиками украсились! Цветам пышность – зверям радость! Кузнечики в колокольчики звонят, пчёлки жужжат – сочный нектар собирают; запахи, ароматы по всем рощам и долам благоуханным морем разливаются...

Красота красна!

Дыши грудь в волю вольную, в силу сильную – не надышишься!

Не объять красоты святой!

И вот надо же, при таком расцвете-цветении вышел спор у птиц: чей голос слаще и звонче и кому надлежит посему весну-красну исходящую подобающими песнями провожать и достойными переливами лето-пряное приветствовать.

Разгорелся спор не на шутку – того и гляди дружбе честной окончание выйдет. Вот и решили соловьи с жаворонками лететь к Михайло Топтыгину за мудростью и за справедливым судом. А за певцами и белки запрыгали с ветки на ветку, с ними соболя, затем и лисы, и волчата залюбопытствовались; глядь, олени, лоси потянулись – и, словом, все звери, как ком с горы, за мудрым решением к медведю покатались...

Ищут хмурого владыку леса, а сами трепещут: зайцы уши прижимают, а волчата хвосты поджимают. Даже

крикливые спорщики-жаворонки с соловьями оробели, уже и не рады, что между собой ссору учинили, из-за которой к медведю и вышли.

Вот кличут звери и птицы самого главного в лесу, самого строгого и честного судью. Уж его-то сердце не разжалобишь: никакие нежности косолапого да толстокожего не проймают и в заблуждение не введут! Уж медвежье разумение с правдою лесною крепко дружится и всякой звериной душе свою честь и уважение ведаёт.

Поискали, поискали Михайло Топтыгина – нет. По самым разухабистым дремучим завалам, куда и луч солнца не проникал, куда и волкам забегать страшно – нет его!

Поискали в ледяном бору, где и ветерок ласковый не шевельнётся, где и птица на ветку не садится – нет грозного господина леса!

Поискали в еловой дрёме, которую и хмурые грозные тучи стороной обходили, где ни единого звериного сердца, кроме медвежьего, вовек не билось – пропал наш молчаливый царь леса!

Звери не на шутку переволновались-перепугались: «Кто теперь главенствовать в жительстве нашем будет?!» «Вот беспорядки-то пойдут!» Звери – каждый себе ум, о прилежном обращении никто радеть не станет. Безобразие и вражда умножатся! Тут заголосили звери, бояться перестали сурового медведя. Кличут: «Михайло Потапушка, дорогой господин наш!» И рады бы медведя слушаться, да нигде спра-

ведливого начальника своего найти не могут. Зайцы лапами по коре забарабанили, волки выть начали, жаворонки с соловьями горькие слёзы проливают, лоси да олени стали, как вкопанные – весь животный мир затосковал и жить дальше как – самым разокайнным незнанием не знает!

Вдруг!

Летит откуда-то воробышек. Чирикает, крылышками машет, сказать ничего не может, только видом всем за собой зовёт.

Устремились за пташкой животные. А птичка-невеличка ни куда-нибудь в дремучие завалы, а на просторные, солнечные поляны, усыпанные миллионами благоухающих цветов, летит. Тёмный лес позади остался, а вокруг море зелёных красок разлилось. Медовыми прянами веет тёплый ветерок, жужжат пчёлы, летают над цветками клевера неторопливые шмели, веселятся в весеннем воздухе бабочки и жуки...

Прилетел воробышек и на сиреневый кустарник с молодыми, сочными листочками опустился: «Чик-чирик!»

Подошли звери к цветущей сирени, замерли. «Чик-чирик!» – не понимает птичка. «Да, куда же ты привёл нас, воробей? Разве отродясь Топтыгин заходил сюда?!»

«Чик-чирик!»

Очнулись звери... Слышат странные звуки, словно отдалённая песня из-за кустиков доносится. Лоси раздвинули рогами сиреневые ветви, и всё животное царство обмерло...

Сидит наш грозный медведь посреди цветущей лужайки

в море ароматных, душистых цветов и пряные запахи растений вдыхает. Вьёт из трав-васильков дивно-чудные ожерелья, из ромашек венчики, песенку про весну напевает... На бурой макушке красочная корона из многих нежных цветиков покоится, вокруг бабочки пёстрые порхают, и на крутые его плечи садятся. Мишенька цветочки срывает и блаженно улыбается...

Грнули все звери со смеху: «Ай, да сердитый господин наш! Ой, да Михайло Потапыч!» И ну по поляне кататься, хохотом животики надрывать. Зайчики с волчатами уёма не знают! Олени с лосями так припустили, что иголки с листовниц посыпались, жаворонки с соловьями свистят во всю моченьку, лисята того и гляди лопнут; даже ёжик прыскает со смеху, словно бы чихает... «Ай, да чудная душа у нашего царя лесного! Ой, да чудная душа!»

А медведущка уж никак такого обличения не ожидал!

Как он мог подумать, что его за таким нежным чувством обнаружат?! Вытаращил он глаза на зверей и слова молвить не может... Цветочки в лапах у него и изумление в очах. А животные веселятся!.. Медведущка хотел было грозно брови насупить, да понял тут, что тайна души его раскрыта, и ну сам хохотать...

С тех пор медведь в суровости не изменился, но теперь всякий зверь в лесу или птица знали, что таковое обращение для порядка лесного владыкою их соблюдается...

А когда лютую зиму сменяла весна-красна и всё живое преобразалось в зелени и расцветали цветы на лугах, и лесных опушках, не было в животном царстве том ни одной хотя малой какой зверушки, которая при первом веянии нежных травных ароматов не вспоминала бы с радостью о добрых таинниках души их грозного и неразговорчивого царя...

(конец)

ТРИ ЕЛОВЫЕ ШИШКИ

(лесная притча)

В тихой лесной обители близ озера рос стройный, величественный ельник.

Крепкие, мощные, с струящимися кое-где вдоль суровой, шершавой коры сахарными, смоляными ручейками, стволы, подобно корабельным мачтам высоко устремлялись в голубое, летнее небо и там, широко раскинув мохнатые, тяжёлые ветви-руки, шумели бесконечную тьмою игл и шуршали бесчисленными гирляндами шишек под смелыми и сильными набегами северного ветра.

На некоторых елях шишки висели под самыми кронами, будто колокольчики на колокольнях. Когда ветер покачивал чешуйчатых подружек, они издавали странный шёпот, словно переговаривались или рассказывали друг другу диковинные истории...

Летела однажды ельником тем сорока и присела на хвою дух перевести, да тут и задремала. Вот чудится сквозь сон: доносится до неё чей-то разговор... Испугалась сорока, боится даже глаза открыть, неужели человек на такую еловую высоту умудрился забраться и чего ему тут ни свет, ни заря делать? Глаза прищурила сорока, глядь сквозь щёлочки

по сторонам – никого, вниз – никого, вверх – никого. Ещё пуще перепугалась сорока, душа птичья в лапки ушла, со страху чуть с ветки не свалилась... Слышит:

– Я на ветке самая рослая, всех шишек длиннее!

«Чу, да это еловые шишки разговаривают, самохвальство-вать спозаранку зачинают, о своих величествах языки ломают...» Осмелела белобока, с лапки на лапку переступила да и прислушалась...

– За то ты худющая, как сосновая иголка, а я упитанная и вся на солнце переливаюсь коричневыми боками, – отвечала, хвалясь-перехваливаясь, толстая шишка...

Долговязую шишку, высказывание про «сосновую иголку» шибко задело, она почувствовала, что её личное шишечное достоинство было значительно задето, поэтому тут же закипела внутри еловая гордость, и она набросилась на располневшую родственницу...

– Это потому, что ты ближе других на ветке к стволу ви-сишь, тебе все соки первой достаются! Зато у меня больше, чем у тебя, семечек; больше, чем у всех шишек в нашем лесу! Ты себе бока-то наела, ишь, как тетерев на току, толстая, того и гляди лопнешь!

– Пусть у тебя много семечек, да все трухлявые, а мои семечки самые вкусные в лесу, мои семечки птицы любят кле-вать, – не отставала в бахвальстве упитанная шишка, пока-чивая пухлыми боками и как бы совсем позабыв про «соки», которые «достаются ей первой».

После этого резкого высказывания она почувствовала, что как будто вполне отомстила долговязой сродственнице за нелепое, на её взгляд, сравнение с тетеревом...

Рядом со спорщиками, но чуть выше, ничем не напоминающая о своём присутствии, висела маленькая, скромная шишечка. Она всегда была такая тихая и мирная, что почти никто и никогда не удосуживался заметить её первой. Она очень сожалела о таком неблагоприятном разговоре, но не могла вмешаться, оттого что в разгорячённое самохвальство-перебранку сестёр ну совершенно невозможно было вставить ни единого слова.

Тем временем «трухлявые семечки» от шишки-толстушки ещё сильнее зацепили длинную шишку, и она рассердилась не на шутку.

– А у меня, а у меня... – раскипятилась долговязая горячка, в раздражении раскачиваясь, да так неосторожно, что, казалось, вот-вот сорвётся с тонкого сучочка, державшего её на ветке, – у меня... небо на макушке, а земля под пятками!

– За то, за то, – пыхтела тщеславная толстушка, – у меня один бок на востоке, а другой на западе; солнце с левого бока у меня поднимается, а на правом закатывается!

Разумеется, многих удивительных и заслуживающих восхищения достоинств не была лишена и маленькая, скромная шишечка, но, как ни странно, она никогда и не подозревала о существовании каких-либо особенных преимуществ.

ществ в себе и уж, конечно, никак не думала, что всё радостное и доброе, полученное от матери-ели, можно выдавать за своё да ещё похвалиться оным во всеуслышание. «Разве можно гордиться хорошим?» – спрашивала сама себя шишечка. Скромная шишечка даже редко разговаривала, не решаясь вымолвить словечко, тем более, если беседою были заняты старшие.

Однако теперь необходимо было срочно вмешаться, так как бахвальство родственниц принимало угрожающий оборот. Висевшие по соседству шишки начали обращать внимание на непонятные крики, и даже с ветки напротив обеспокоенно следили за происходящим.

– Сёстры, сёстры! – позвала скромная шишечка, – не стоит ссориться из-за пустяков. Ведь мы все выросли на одной ветке, дети одной матери-ели.

– Я самая старшая, я раньше выросла! – затряслась от злости долговязая шишка.

– Нет, врешь! Я самая старшая, – вопила толстушка, и сучок трещал над её маковкой.

Сучочки едва удерживали спорщиц, да тут ещё ко всему шишки принялись раскачиваться из стороны в сторону, стараясь, как можно сильнее толкнуть друг дружку в бок.

– Сёстры, милые сёстры, не ссорьтесь! Пожалейте себя! – призывала благоразумная шишечка. – Остановитесь, примиритесь, не гневайтесь!

– Тебя ещё здесь не хватало, – огрызнулись гордячки.

– Ты хуже всех!

Тут они вдруг перестали пихаться и принялись насмехаться над скромной шишечкой, говоря:

– Ты такая мелкая, что тебя никто рядом с нами не замечает! Ха-ха!

– У тебя нет таких упитанных боков, как у нас! Ха-ха!

– Нет таких широких и блестящих чешуек, о-хо-хо-хо!

– Твоими семечками ни за что птиц не накормишь и даже червей!

Гордые шишки набросились на скромную шишечку с таким удивительным согласием и такой поразительной дружкой, с какой всего лишь минуту назад кипела между ними вражда. Они почти подпрыгивали со смеху, подтрунивая над доброй шишечкой, отчего едва живые сучочки ну совершенно перестали удерживать своих надменных хозяек, и только одно чудо пока ещё спасало горячек от неминуемой гибели:

– И откуда ты такая выродилась, уродина! Мутант, да и только!

Скромная шишечка молчала, потупив глазки.

– Нас весь лес знает, а тебя даже гусеницы... Хо-хо!..

Даже гусеницы стороной обползают... Ха-ха-ха!

Они так захохотали, что ветка закачалась, а сидевшая на ветке сорока вспорхнула и полетела своим делом; уж очень не понравились белобоке шишечные самохвальства. Сороке было, конечно, жалко маленькую, добрую шишечку, но так как она ничего не могла поделать и не умела по мочь

бедняжке, то дальше оставаться на ветке ей было стыдно.

Гордые шишки тем временем вовсе и не думали утихомириться. Они всё пуще и пуще обижали мирную шишечку:

– Висишь тут, позорище!

– Ты такая мелкая, что даже по лбу не стукнешь как следует!

– Срам один с тобой рядом на ветке качаться!

Скромная шишечка чуть не плакала... Ей было и досадно, и обидно не потому, конечно, что она не могла, сорвавшись, больно стукнуть кого-либо из зверей, как о том похвалялись гордячки, а потому, что родные шишки не любили свою тихую, застенчивую сестрёнку; и самое грустное то, что, быть может, не только не любили её, но не любили вообще никого в лесу, и поэтому застилали глаза укорами страшно недужными, упрекали не в дурном, а в хорошем; ругались над её умением сотворить доброе и насмеялись над её бесилием соделать злое.

Но тут внезапно налетел северный ветер и сорвал еловые шишки. Ведь сучочки их совсем надломились и ну ни капельки не могли уже удерживать отвратительно ёрзающих, хвастливых и вздорных соперниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.